

АНТОН ФАРБ

ИЗНАНКА МИРОВ

НИФЛЬХЕЙМ

В Нифльхейме шел снег. Крупные лохматые снежинки кружились в морозном воздухе, медленно опускаясь на город и покрывая пушистым ковром узкие улочки и островерхие черепичные крыши. Город спал. В домах не горели окна, на широких мостовых и в извилистых переулках не было никакого движения, и даже тоненькие столбики дыма из печных труб казались нарисованными на ночном небе. Единственным, что оживляло эту картину, были крупные хлопья снега...

Я встряхнул тяжелый стеклянный шар, утопив миниатюрный Нифльхейм в снежном буране, и поставил его обратно на полку между Асгардом и Муспельхеймом, навсегда заключенными в плен из горного хрусталя. Когда видишь такое, поневоле задумываешься: а что, если и те миры, что мы привыкли считать настоящими, тоже стоят на полке в какой-нибудь сувенирной лавке?..

В эту маленькую и жарко протопленную лавочку я зашел просто так, из любви к неожиданным поступкам: очень уж тепло и уютно светилась ее витрина в вечернем полумраке зимних улиц. Я не собирался ничего покупать - мне надо было как-то убить полчаса до встречи с Сунильд, и я, чтобы не торчать на морозе, рассеяно бродил вдоль полок, разглядывая игрушечных мастодонтов, маленьких викингов, нэцке из моржовой кости, обтянутые кожей плоские фляги, пресс-папье и прочие бесполезные штучки, которые должны были бы напоминать заезжему туристу о славном и сонном городе Нифльхейм.

Сегодня был мой последний день в этом мире, и, как всегда в такие дни, мной овладело то странное настроение, которое не было ни тоской расставания, ни предвкушением путешествия, а чем-то средним, грустным и радостным одновременно, и еще чуточку суетливым - все время хотелось проверить карманы, не забыл ли я чего... Такое настроение можно было бы назвать чемоданным, но чемоданов-то у меня и не было: я всегда путешествую налегке.

Вот и сейчас все мои пожитки умещались в карманах новой кожаной куртки. Бумажник, записная книжка, авторучка, складной нож, зажигалка и паспорт. Все. В бумажнике было полторы сотни крон и кредитная карточка сennaарского банка, а в паспорте - виза в Сennaар. Не хватало только билета на экспресс, и именно ради него я и шел на встречу с Сунильд.

Я поддернул рукав куртки и поглядел на часы. У меня было еще пятнадцать минут, и спертый воздух лавки мне уже надоел. Колокольчики над дверью прощально звякнули мне вслед.

В Нифльхейме шел снег. Он шел уже месяц, и собирался идти еще долго, погребая под высокими синеватыми сугробами мостовые и первые этажи домов. Скоро город станет приземистым, будто бы придавленным серым зимним небом, и крыши исчезнут под массивными снежными шапками, и жители перестанут ездить на санях и начнут рыть туннели сквозь снег. А потом начнутся метели, бураны и суровые морозы, город впадет в зимнюю спячку, и все это продлится целых восемь месяцев.

Радовало только одно: меня здесь уже не будет. Я поднял воротник куртки, натянул перчатки и зашагал по заснеженной улочке по направлению к Ульгу.

Морозный воздух пощипывал щеки, и ресницы моментально заиндевели от дыхания, которое превращалось в иней раньше, чем успевало стать паром. И ведь по местным меркам, это был даже еще не мороз - так, первые заморозки...

Был ранний вечер, но на улицах не было ни души. Под ногами похрупывал снег, тихо шипели газовые фонари, и высоко в фиолетовом небе висели две луны: кроваво-красный Хугин и зеленоватый Мунир. Я вспомнил, что по местным повериям ночь двойного полнолуния считается колдовской: в такую ночь на улицы выходят маньяки, а еще на такие ночи приходится пик самоубийств. Последнее, впрочем, более характерно для середины и конца зимы, когда беспросветная тоска становится невыносимой даже для местных... Я бы никогда не смог здесь жить.

Мы условились встретиться с Сунильд на горбатом мосту через Ульг. Я пришел первым; подойдя к парапету, я окинул взглядом замерзшую реку. Толстый слой льда с лиловыми прожилками был похож на мраморную плиту. Возле гранитной набережной ледяные тиски сковали засыпанную снегом баржу с углем. Над рекой было даже холодней, чем на улицах - здесь гулял резкий порывистый ветер, и от промерзшего Ульга тянуло вековечным холодом. Вдалеке, над излучиной реки, высилась обледенелая громада Чертога.

Я стащил перчатку, сгреб с парапета горсть колючего снега, подождал, пока он не станет мокрым и липким в моей ладони, а потом со всей силы швырнул этот холодный комочек в сторону Чертога.

- Так ты их не достанешь, - прозвучал за моей спиной голос Сунильд.

Я обернулся. Высокая, стройная, элегантная Сунильд всегда передвигалась бесшумно, как снежный барс. Она даже была чем-то похожа на эту большую кошку: тот же пепельный цвет волос, те же зеленые глаза, тот же хищный характер.

- Их вообще нельзя достать, - сказала она. - От них можно только убежать.

- Ты принесла? - спросил я.

Сунильд покачала головой.

- Он держит конверт при себе. Всегда. Но зато я принесла вот это.

Она вытащила из сумочки большой черный предмет. Это был увесистый парабеллум.

- Он сейчас в таверне «Фенрис». Это недалеко отсюда...

- Я знаю, - перебил я. - Зачем это? - Я поднял на ладони парабеллум.

Сунильд печально улыбнулась.

- Неужели ты думаешь, что он отдаст тебе билеты просто так? - Она сделала шаг вперед и провела рукой по моей щеке. Ладонка у нее была теплая и ласковая. - Это наш с тобой шанс, любимый. Нам нельзя его упустить. - Зеленые глаза Сунильд смотрели на меня с надеждой.

Я молча засунул парабеллум в карман.

- На вокзале, - сказала она. - Я буду ждать тебя там.

У входа в таверну мерз мастодонт, запряженный в волокушу с дровами. Мастодонт был старый, его бурые с проседью космы сваялись в сосульки, а подпиленные бивни были темно-желтого цвета. Дыхание его вырывалось из груди с астматическим сипом и мутным облаком окутывало фонарь над входом в таверну. На вывеске под фонарем был грубо намалеван волк, грызущий головку сыра.

В самой таверне было темно, жарко и шумно. На стенах чадили факелы, а в камине размером с дверной проем весело полыхало, потрескивая, целое бревно. Над огнем медленно вращался вертел с насаженной на него кабаньей тушей. Туша истекала жиром и вонью горелого мяса.

Здесьние завсегдатаи славились тем, что каждый вечер с какой-то странной угрюмой целеустремленностью напивались до состояния берсерков, после чего начинали крушить друг другу челюсти. В тот момент, когда я спустился в зал по каменной лестнице, там как раз назревало две-три хороших драки. Обойдя задир дальней дорогой, я пересек задымленное помещение и попал в полутемный коридор, куда выходили двери отдельных кабинетов.

Тут на меня налетел рыжебородый дверг, ростом мне по пояс, зато в полтора раза шире меня в плечах. Я благоразумно уступил карлику дорогу. Бородатый недомерок проворчал что-то надменное и потопал в сторону сортира. На квадратных плечах дверга лежала массивная золотая цепь, обозначавшая принадлежность хозяина к высшим иерархам Чертога. Я недоуменно хмыкнул (такая шишка - и в такой дыре?) и толкнул первую попавшуюся дверь.

Мне повезло: за столом, уставленным тарелками с обглоданными костями, пустыми бутылками из-под водки и кружками с недопитым пивом, восседал пьяный Торквилл ван дер Браан с кожаной нашлепкой на левом глазу.

- А, сыщик, - сказал он, сально ухмыльнувшись. - Ну, как там моя женушка? Еще не наставила мне рога?

Я притворил за собой дверь и огляделся. Торквилл был один в кабинете, но на столе было две кружки и две тарелки. Значит... значит, его собутельником был рыжий дверг из Чертога, который пошел отлить и мог в любую секунду вернуться.

- погоди, - нахмурил единственный глаз Торквилл. - Ты что тут делаешь? Это она тебя подослала?

Я вытащил парабеллум и направил его на Торквилла.

- Билеты, - сказал я. - Отдай их мне.

Торквилл вдруг захохотал, оскалив желтые зубы.

- Идиот, - сказал он. - Купился? «Уедем вместе, любимый», а, сыщик?

- Просто отдай их. - Я щелкнул предохранителем.

И тут он как-то очень трезво и зло сказал:

- А у меня только один билет. Всегда был только один билет. И я его тебе не отдам. Ни тебе, ни ей. Понял, сыщик?

Я кивнул и выстрелил прямо в кожаную нашлепку, прикрывавшую пустую глазницу.

Вокзал Настронд был самым большим сооружением в Нифльхейме - если, конечно, не считать Чертога. Сюда прибывали поезда со всех концов мира: составы с заключенными из Свартальвхейма, эшелоны с продовольствием из Мидгарда, бронепоезда из Нидавеллира, товарняки из Химинбьёрга, роскошные пульмановские вагоны из Вингольва и забитые беженцами теплушки из Ванахейма... Отсюда же раз в неделю отправлялся похоронный поезд в Хель.

А еще - хотя мало кто из обитателей Нифльхейма об этом знал, и еще меньше было тех, кто мог этим воспользоваться - через вокзал Настронд проходил экспресс «Уроборос», на котором (при наличии билета, разумеется) можно было покинуть не только столицу, но и весь этот стылый мир.

Людей на перроне практически не было - оно и понятно, ведь обычно «Уроборос» следует через Нифльхейм без остановки. Однако сегодня ему придется остановиться и подобрать пассажира. Или даже двух...

Вторым пассажиром мог быть двухметровый белокурый амбал с чугунной челюстью, восседающий на двух чемоданах - на вид типичный викинг из местных, огромный, угрюмый и лохматый в своей песцовой шубе; только из-под шубы виднелся кафтан с багряным крестом монсальватского рыцаря на груди. Судя по тому, как густо были припорошены снегом шуба, волосы и даже брови рыцаря, он сидел на перроне уже давно. Оставалось только гадать, каким ветром его занесло в такую дыру, как Нифльхейм; хотя странствующих рыцарей Монсальвата можно встретить и в куда более диких местах... Люди они фанатичные и опасные, и держаться от них надо подальше. Я не горел желанием завязывать дорожное знакомство, пускай мы оба и оказались в Настронде по одной и той же причине...

Как и Сунильд.

Она стояла у скамейки: цигейковый воротник поднят, матерчатый саквояж у ноги, кулачки спрятаны в меховой муфте, щечки румяные от мороза...

- Ты принес? - спросила она.

Ответить мне помешал протяжный паровозный гудок. Вдалеке показался столб белого дыма, под которым угадывался силуэт локомотива.

- Да, - сказал я, смотря мимо Сунильд на приближающийся экспресс.

- Отдай его мне, - властно сказала она.

«Его». Она знала.

- Нет, - сказал я.

Сунильд высвободила одну руку из муфты. Никелированный браунинг был похож на игрушку.

- Отдай! - сказала она.

Я продолжал смотреть на «Уроборос». Локомотив начал тормозить у самого перрона, постанывая, как умирающий мастодонт, и сбрасывая струи отработанного пара.

Сунильд вытянула руку и направила браунинг мне в лицо.

В этот момент локомотив обдал нас холодным паром - как будто пушной зверь пробежал между колен, задев лохматым боком; я шагнул вперед, выбил браунинг и

ударил ее кулаком в живот. Сунильд согнулась вдвое, споткнулась о собственный саквояж и упала, а я ухватился за поручень проезжающего вагона и на ходу запрыгнул на подножку.

Обернувшись, я увидел, как Сунильд ползает на четвереньках, пытаюсь отыскать в снегу браунинг, а от здания вокзала к ней бегут рыжебородый дверг с золотой цепью и два grimтурса с резиновыми дубинками.

Я отвернулся и пошел искать свободное купе.

ПЕРЕХОД

Стены купе отделаны красным деревом из Тимбукту, а диван обшит тхебесским сафьяном. Перестука колес практически не слышно, и только по легкому покачиванию коньяка в бокале можно понять, что поезд движется. Я отдергиваю иторы и наблюдаю, как проносятся за окном однообразные Серые Равнины. Пробую коньяк. Он пахнет ванилью. Благородный напиток родом из Тартесса, а вот хрустальный бокал явно был сделан в благополучно покинутом мной Нифльхейме.

В путешествии на «Уроборосе» есть свои прелести.

Я проверяю нагрудный карман куртки (билет на месте; это важно - безбилетников кондуктор просто сбрасывает с экспресса), встаю и выхожу из купе. В коридоре стоит высокая брюнетка в зеленом платье с глубоким декольте. У нее пресыщенно-утомленный взгляд, как у всех уроженцев небесного города Амравати. Она явно не прочь скрасить дорожную скуку случайным знакомством.

Но всему свое время. До Сеннаара ехать трое суток, через подводный туннель под Рльехом, пустыню Руб-эль-Кхали и тропические леса Астлана. Я голоден и иду в вагон-ресторан.

В тамбуре я натываюсь на Сунильд, и меня бьют по голове. Я падаю, но не теряю сознания. Рыцарь из Монсальвата - дубина стоеросовая, благородный остолоп! - неумело меня обыскивает, отбирает парабеллум.

- Не то, Арнульф! - шипит Сунильд. - Мне нужен билет!

Я пытаюсь что-то сказать, но выходит только стон. Перед глазами пелена, все расплывается в розоватой дымке. Успеваю увидеть, как ловкая ручка Сунильд выуживает из моего кармана билет.

А потом Арнульф распахивает дверь и под оглушающий грохот колес выбрасывает меня из поезда.